

В.Н. Кудряшев

РУССКО-НЕМЕЦКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПРИБАЛТИКЕ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается освещение этнополитической ситуации в Прибалтике второй половины XIX в. русской публицистической литературой. Утверждается, что для консервативных и либеральных авторов было характерно восприятие национальных отношений в Прибалтике как противоборства двух национальных проектов, конкурировавших не только в пределах данного региона, но и во всей Восточной Европе. Прибалтийские немцы выделялись не самостоятельной этнической группой, а частью немецкой нации, стремившейся воссоединиться с ней в рамках единого государства.

Ключевые слова: национализм; сепаратизм; русификация; обрусение; онемечивание; либерализм; консерватизм.

Этническое и конфессиональное разнообразие России, дополненное различиями в экономическом и социальном развитии национальных регионов, вовлекало их в поле внимания русской интеллектуальной элиты, которая должна была учитывать данный аспект в разработке своих национальных концепций. Рост национального самосознания на национальных окраинах и формирование национализмов с альтернативными этим концепциям целями вносили существенные коррективы в представление русской интеллигенции XIX в. о настоящем и будущем России.

Этнополитическая ситуация в прибалтийских губерниях Российской империи характеризовалась растущей напряженностью, вызванной попытками русской администрации ослабить доминирование немецкой диаспоры в социально-политической и экономической жизни. Русско-немецкое противостояние сопровождалось очевидной активизацией формировавшейся эстонской и латышской интеллигенции. Не могло не повлиять на данную ситуацию образование единого немецкого государства, отношения с которым у России становились все более прохладными. Все это вызывало пристальный интерес русского общества и делало обсуждение ситуации в Прибалтике одной из важнейших тем публицистической литературы в середине – второй половине XIX в.

Данный сюжет нашел известное отражение в исторических исследованиях [1; 2. С. 274–277]. Однако авторы традиционно сосредоточивались на рассмотрении позиции славянофилов, прежде всего Ю.Ф. Самарина, обходя вниманием другие направления консервативной мысли и либеральную публицистику. Это делает актуальным представление всего спектра мнений русской публицистики в освещении национальных проблем прибалтийских губерний Российской империи.

Интерес российского общества к Прибалтике, безусловно, был вызван публицистической деятельностью Ю.Ф. Самарина, обратившего внимание на национальные проблемы края еще в конце 1840-х гг. и до середи-

ны 1870-х гг. остававшегося выразителем мнения не только славянофильского, но всего националистического крыла русской интеллигенции.

С 1710 г. Россия в ходе Северной войны отвоевала прибалтийские земли у Швеции. Данное событие Ю.Ф. Самарин преподносил как возвращение Россией своих исконных владений, подчеркивая тем самым принципиальное отличие русского господства в крае от предыдущих хозяев, которые были только завоевателями. Но включив Остзейский край в состав Российского государства, правительство не сделало естественного шага по интеграции его в общее государство, правовое, культурное и религиозное пространство. Там были сохранены средневековые сословные привилегии, система местного самоуправления, суда, землевладения, оставившие местное население в полной зависимости от немцев. Практически не произошло изменений в духовной сфере: здесь по-прежнему доминировали немецкий язык, литература и католицизм [3. Т. 7. С. 36–37, 39].

Более всего Ю.Ф. Самарина возмущало, что немцы сохранили превосходство и по отношению к русскому населению. Русские, будучи представителями имперской, господствующей народности, в Остзейском крае находились в приниженном по сравнению с немцами положении. Приезжая в Прибалтику, русские как бы выпадали из правового пространства империи. Включаясь в местную жизнь, они постоянно сталкивались с привилегированностью немцев и своей ущербностью в образовании, экономической деятельности, быту [Там же. С. 58, 63, 71]. Правительство, идя на поводу у могущественного немецкого лобби, занимавшего высшие посты в Петербурге, считало такое положение нормальным и естественным, видя в немцах преданных слуг империи. Ситуация периодически улучшалась с приходом на должность губернатора края людей, болевших за интересы России и понимавших угрозу ее единству в случае сохранения немецкого доминирования. Но чаще верх одерживала могущественная остзей-

ская партия, стремившаяся к консервации порядков в крае [3. Т. 7. С. 102–103, 160]. Из всего этого Ю.Ф. Самарин делал вывод о серьезной угрозе единству Российской империи, коль скоро существовали анклавы, подобные Остзейскому краю.

Наибольшую опасность Ю.Ф. Самарин видел в проповедовавшемся немцами принципе подданства Российскому императору, но отказе признания первенства русского народа. Немцы демонстративно подчеркивали свою лояльность и преданность императору и полагали сохранение своей особенности и привилегированности вознаграждением за заслуги перед ним. Но при этом также демонстративно проявлялось презрение к русскому народу, подчеркивалось превосходство немцев как опоры престола. За этим стояло стремление немецкого дворянства утвердить первенство значимости службы царю, при котором утрачивается значение национальной принадлежности подданного. Ю.Ф. Самарин настаивал на национальном характере Российского государства, созданного русским народом. В стремлении остзейцев он видел попытку установления служебных, практически наемнических отношений между царем и подданными, отделить царя от русского народа. Отказ от национального характера русской государственности он трактовал как покушение на единство империи, поскольку национальное единство заменялось бы опорой на разноплеменную элиту, наделенную индивидуальными привилегиями [Там же. С. 42–43].

По мнению славянофила, туземное население Остзейского края «как племя, видимо, не предназначено к самостоятельному политическому развитию» и будущее его виделось как ассимиляция на немецкой или русской национальной основе [4. С. 468]. К сожалению публициста, этого не желала понимать государственная власть и русская общественность, но прекрасно осознавали прибалтийские немцы [5. С. 447]. Ю.Ф. Самарин утверждал, что латыши и эсты тянутся к русской народности и для их обрусения не нужны специальные меры, тем более принудительного характера. Достаточно оградить их от насильственного онемечивания, давно и интенсивно проводимого при полном попустительстве русских властей. Школа, кирха, полиция, суд, местная администрация, находившиеся под полным контролем немцев, были главными средствами немецкой национальной пропаганды. Если не изменить отношение русского государства и общества к национальному вопросу в Остзейском крае, предупреждал Самарин, уже через поколение в Балтийском поморье предстоит иметь дело не с немецкой колонией, а целой немецкой нацией [4. С. 468–469].

Подводя итог деятельности русского правительства в Остзейском крае, в изданных в Праге «Окраинах России» Ю.Ф. Самарин фактически констатировал отсутствие сколько-нибудь серьезных успехов в реализации задачи его обрусения.

Не была также решена задача унификации местного законодательства с имперским. Из-за откровенного

саботажа остзейцев «Свод местных и общих узаконений» не стал основой модернизации законодательства в крае и «постепенно вытеснялся старым юридическим материалом» [6. Т. 9. С. 60]. Реформа волостного самоуправления привела к ослаблению влияния немецкого дворянства, но решения крестьянских сходов обжаловались помещиками, волостные старшины остались под контролем дворянских сообществ и полиции. Предложения по реформированию городского самоуправления были отвергнуты, в результате монополия немцев в магистратах не была нарушена и представители русской общины по-прежнему не допускались к выборным должностям и бенефициям [Там же. С. 100–101]. Положения Судебной реформы 1864 г. так и не получили распространения на Остзейский край, оставив население под судебной властью немецких магистратур и помещиков [Там же. С. 124–125].

Правительство дважды (в 1850 и 1867 гг.) принимало нормативные акты о введении делопроизводства в присутственных местах края на русском языке. В обоих случаях немецкая община мгновенно мобилизовалась и любые попытки использования русского языка встречали решительное противодействие как полным его игнорированием, так и в результате демонстративных проволочек. Видя тщетность усилий, администрация края признавала поражение и смирялась с господством немецкого языка [Там же. С. 112–113].

Особенно болезненно Ю.Ф. Самарин воспринял неудачу реализации важнейшего элемента задачи обрусения Прибалтики – обращения в православие коренного населения. В 1840-е гг. добровольное стремление перехода в православие со стороны латышей и эстонцев заметно изменило религиозную ситуацию в крае. Но новообращенные единоверцы встретили полное равнодушие со стороны русской администрации, фактически отказавшейся от покровительства православию. Лютеранское духовенство, напротив, увидев в этом движении угрозу своему господству, повело упорную борьбу с православием, опираясь на поддержку дворянства и политику невмешательства русских властей. В итоге брошенные на произвол немецких помещиков, упорно разорявших принявших православие крестьян, и пасторов, оказывавших мощное психологическое давление, православные неофиты стали яркой демонстрацией против перемены веры [Там же. С. 64–67].

Причиной отсутствия прогресса в деле обрусения Прибалтики Ю.Ф. Самарин считал разобщенность русского общества. Правительство не имело четкой, разработанной программы действий и политической воли к ее реализации. Многочисленные представители остзейского дворянства, традиционно занимавшие высшие государственные и военные должности, откровенно лоббировали интересы своих соплеменников в ущерб интересам Российской империи. Петербургские покровители препятствовали принятию любых радикальных мер и консервировали ситуацию в Прибалтике. Высший свет Петербурга симпатизировал немецко-

му дворянству как представителям «просвещенной Европы», охотно принимая их в своих салонах и забывая о национальных интересах ради сословной солидарности. Российская либеральная пресса видела в прибалтийских немцах жертв политики русификации и регулярно вставала на защиту [4. С. 38–41]. Таким образом, вся тяжесть работы по обрусению края ложилась на местную русскую администрацию, находившуюся под двойным прессом немцев и собственного правительства, и абсолютно бесправную русскую общину [Там же. С. 103–105].

Противная сторона, напротив, четко представляла свои цели и была консолидирована на их достижение. Немецкая диаспора умело использовала покровительство «остзейской партии» и попустительство русских властей. Ю.Ф. Самарин приводил примеры, когда стремление крестьян освободиться от опеки лютеранства выдавалось за социальный протест и подавлялось с помощью русских властей. Немцы Прибалтики ощущали себя частью немецкого мира и получали моральную поддержку общественности и прессы немецких государств при любой угрозе своему господству [Там же. С. 41]. Стремление Германии на восток рано или поздно должно было привести к открытому противостоянию с Россией. Поэтому, полагал Ю.Ф. Самарин, прибалтийские немцы стремились «уберечь край для Германии» [Там же. С. 155].

Таким образом, Ю.Ф. Самарин предлагал рассматривать Остзейскую проблему не просто как сепаратизм одного из регионов, но через призму противостояния двух национализмов – русского и немецкого, цели которых противоположны и непримиримы [Там же. С. 167]. Поэтому главным противником политики обрусения виделись немцы. Местное население рассматривалось как союзник в борьбе с ними. Объективно предложения Ю.Ф. Самарина были направлены на улучшение жизни крестьянства, развитие самоуправления, ограничение зависимости от немецких помещиков. Но это не означало согласие славянофила на поддержку развития национального самосознания латышей и эстонцев. Именно они должны были стать главным объектом обрусения. Ю.Ф. Самарин не ожидал противодействия с их стороны, уверенный в тяге местного населения к православию и русской культуре. Он решительно отказывал латышам и эстонцам не только в политической, но и в этнической самостоятельности и не думал об опасности возникновения туземного национализма прибалтов.

Анализируя ситуацию в Остзейском крае, И.С. Аксаков находил поразительное ее сходство с Западным краем. В обоих случаях противниками Российской политики по укреплению государственного единства выступало не туземное население, а элита, являвшаяся завоевателем по отношению к нему, составлявшая меньшинство, чуждое в этническом и религиозном плане. Схожей была и социальная структура рассматриваемых территорий. Немцы и поляки были крупны-

ми землевладельцами, туземное население – крестьянами. Опираясь на традиционно привилегированное положение, меньшинства угнетали большинство, что налагало на этническое и религиозное противостояние социальные конфликты. Немцы и поляки сохраняли контроль над образованием, культурой, активно противодействуя обрусению данных территорий. Все это, по мнению Аксакова, делало туземное население естественным союзником русского правительства и русско-го национализма [7. Т. 6. С. 81–82].

Однако данную благоприятную для русской политики ситуацию правительство практически не использовало, писал славянофил в работах 1860-х гг., потворствуя как польской шляхте, так и немецким баронам. Между тем тенденция в Остзейском крае была не менее тревожной, нежели в Польше. Конечно, указывал И.С. Аксаков, немцы показательно, демонстрируя преданность царской династии, не поднимали восстаний и не бравировали, подобно полякам, своим неприятием русского господства. Но сохранение их господства ставило под сомнение необратимость включения Прибалтики в состав России [Там же. С. 83–84].

И.С. Аксаков, как и Ю.Ф. Самарин, рассматривал национальную проблематику в Прибалтике через призму столкновения русского и немецкого национализмов. При этом прибалтийские немцы виделись ему не отдельной этнической группой, национальным меньшинством, а частью немецкой нации, локализованной в прибалтийских владениях России. Любые действия немецкой диаспоры представлялись ему либо инспирированными Пруссией (Германией), либо получившими ее одобрение. Данный аспект занимал в работах И.С. Аксакова все больше места во второй половине 1870-х гг. в силу активизации немецкого национализма и усиления его внимания к Прибалтике после образования Германской империи.

И.С. Аксаков относился к немецкому национализму с большим уважением, видя в нем опасного противника и конкурента за влияние в Восточной Европе. Он полагал, что Пруссия, а затем Германская империя, не смирилась с включением прибалтийских земель в состав России и готова воспользоваться любым поводом для экспансии в этом регионе [8. Т. 6. С. 24]. Представители немецкой диаспоры, признававшие на словах лояльность России, не воспринимались как дружественная этническая группа.

Сохранив после вхождения в состав России свой привилегированный статус, немцы воспринимали в штыки любые попытки русской администрации к включению прибалтийских территорий в общеимперское правовое и социокультурное пространство.

Особое возмущение И.С. Аксакова вызывала немецкая система двойных стандартов в оценке национальной политики России и Германии. Считая совершенно естественным распространение немецкого языка на всей территории Пруссии, в том числе в этнических польских землях, немецкая общественность всегда поднимала

волну протестов против аналогичных действий русского правительства в Прибалтике [9. Т. 6. С. 19–20].

И.С. Аксаков писал об этом с очевидной завистью к единодушию немецкого общества, консолидированному на отпор любым попыткам, наносящим ущерб немецким национальным интересам, где бы это ни происходило. Российское общественное мнение, напротив, было разобщено. Значительная его часть выступала защитниками немецких интересов перед опасностью русификации. Цитируя немецкие газеты, Аксаков, опираясь на мнение пангерманистов, показывал, кто блюдет национальные интересы России, а кто предает их. Немцы с откровенной ненавистью писали о славянофилах как представителях политического течения, стремящегося к повсеместному распространению «русского духа», видимого немцами как попытки восстановления древне-славянских (точнее полуазиатских) порядков. Себя немцы позиционировали как бастион Европейской цивилизации и видели своими союзниками в русском обществе течения, выступавшие против одностороннего усиления какого-либо национального элемента, угрожавшего государственному единству России [10. Т. 6. С. 4–5].

Немецкая общественность постоянно взывала к императору, напоминая о своей лояльности правящей династии и рассчитывая на сохранение особого статуса немцев в Остзейском крае. И.С. Аксаков видел здесь попытку игнорирования национального характера русского государства, безусловно персонифицированного в лице русского государя [9. Т. 6. С. 18–19]. Он настаивал на безусловности опоры государства на русскую национальность как гарантию силы и стабильности государственности. Поэтому обязательное распространение русского языка в делопроизводстве государственных органов, развитие начального и высшего образования на русском языке, выпуск русскоязычных газет в Остзейском крае были минимально необходимыми условиями его развития как части Российского государства.

Таким образом, И.С. Аксаков требовал от всех национальностей, проживавших в Российской империи, лояльности не только к правящей династии, но и к господствовавшей русской нации.

Рассматривая вопрос о противостоянии с немецким национализмом, И.С. Аксаков не мог не провести сравнение данной ситуации с другими «конкурентами» русского национализма, находя общие черты в отношении к нему евреев. Последние, так же как и немцы, не желали признавать право русской народности на доминирование в Российской империи, а следовательно, отказывались видеть в ней русское национальное государство [10. Т. 6. С. 8].

И.С. Аксаков отказывал прибалтийским немцам в праве использовать в свою защиту принцип национальности, поскольку они не являлись автохтонным населением Прибалтики, а только завоевателями, составлявшими этническое меньшинство. Но местные

народы, будучи большинством, обладали правом на самостоятельную этническую перспективу. Таким образом, славянофил признавал за народностями, не имевшими государственности, права на сохранение языка, культуры, традиций при условии их преобладания на территории компактного проживания. Он экстраполировал данное положение на славянские народы Австрии, обосновывая справедливость их национальных требований и борьбы с ассимиляцией, проводимой государственным народом [11. Т. 6. С. 30–31]. Но равно в случае России справедливой была ассимиляция господствующим русским этническим большинством малых народов.

Что же касалось коренных народов Остзейского края, то для русского национального доминирования они, по мнению И.С. Аксакова, видимо, не представляли опасности и могли надеяться на сохранение народности в рамках Российской империи. Меры, предлагавшиеся славянофилом для укрепления русского влияния и русских государственных начал, на том этапе объективно способствовали прекращению немецкого засилья и развитию местных национальностей. Они включали унификацию местных органов власти и права с общероссийскими, судебную реформу с введением суда присяжных и формирование самоуправления по российским стандартам, ликвидацию привилегий для немцев и уравнивание его в правах с местным коренным населением, проведение земельной реформы с распространением на Остзейский край положений Манифеста 1861 г. по наделению крестьян землей [Там же. С. 32].

М.Н. Катков представлял ситуацию в Прибалтийском крае как противостояние русского и немецкого национализмов. Третьей стороной здесь выступало местное население – латыши, эстонцы. Публицист соглашался со своими немецкими оппонентами в отношении к ним как народностям, лишенным исторического потенциала и обреченным развиваться под влиянием народов исторических. Но поскольку речь шла о части Российского государства, то планы немецкой элиты о германизации края были бесперспективны. И немцы, и латыши, и эстонцы должны были стать частью русской нации, сохраняя свою этническую самобытность [12. С. 293–294]. Логика М.Н. Каткова была близка логике Ю.Ф. Самарина, хотя последний, как славянофил, подчеркивал первичность нации по отношению к государственности, но фактически оба выводили первенство русской национальности из факта победы Российского государства в борьбе за Прибалтику.

М.Н. Катков постоянно подчеркивал необходимость сохранения немецкого языка, системы образования на нем и использования его в повседневной и деловой практике. По существу он выступал против дискриминации русского населения и за обеспечение универсальности прав подданных на территории империи [13. С. 59–60].

Комментируя открытие Лифляндского сейма, М.Н. Катков отмечал, что немецкая диаспора старалась придать данному событию политическую значимость, как если бы речь шла о деятельности законодательного органа, а не местного самоуправления. Рупор немецких автономистов – «Рижская газета» – акцентировала внимание на противопоставлении административной и правовой системы Прибалтики остальной империи. В ее представлении сохранение сейма говорило об особом статусе прибалтийских губерний и приоритете его нормативных актов над общероссийским законодательством. Катков видел в такой позиции газеты и стоявшей за ней немецкой общины очевидное проявление сепаратизма. Публицист считал возможным и правильным сохранение исторически сложившихся местных особенностей, но при условии невхождения их в конфликт с основополагающими принципами государственного строя России [14. С. 167–168]. Сами немцы должны были ощущать себя гражданами России и частью русской нации, а не представителями самостоятельной немецкой прибалтийской нации. Немцы признавались в качестве самостоятельной этнической, но не политической единицы [15. С. 287–288].

Подтверждением того, что ситуация в Прибалтике была столкновением германского и русского национализмов, служит то, что, несмотря на постоянное подчеркивание внутрироссийского характера проблем, М.Н. Катков регулярно вступал в дискуссию с германской прессой, видя в ней сторону конфликта. Прямо или косвенно он обвинял германские официальные лица и общественных деятелей во вмешательстве в дела России (но также резервировал за собой право защищать славян). В любом случае речь шла не просто о сепаратизме прибалтийских немцев, их самоощущении как отдельного народа. Всегда присутствовало представление о том, что прибалтийские немцы – часть «большой немецкой нации», с которой они чувствуют связь и стремятся слиться. Вот против такой самоидентификации выступал М.Н. Катков [16. С. 424].

Остзейские немцы не просто отстаивали родные язык и культуру, но стремились навязать их латышам и эстам. Именно местное население было объектом борьбы немецкого и русского влияния. Русификация, по М.Н. Каткову, предполагала воздействие не на собственно немцев, а на коренное население. В стремлении к их онемечиванию М.Н. Катков подозревал реализацию первой части плана, предусматривавшего достижение этнической однородности, а затем отторжение Прибалтики в пользу Германии [17. С. 453–454]. «Балтийскому краю предстоят два исхода – либо германизация, либо обрусение, смотря по тому, какой язык будет там правительственный и, следовательно, каждому тем более необходимый, чем более развивается гражданская жизнь» [18. С. 573]. Национальность определяется не этнической принадлежностью и не происхождением, а государственным подданством [19. С. 577].

Русские власти, по оценке публициста, проигрывали немцам в борьбе за влияние на коренное население Прибалтики. Главная причина – оборонительная тактика. Система образования на русском языке была ориентирована на русское население и практически не воздействовала на латышей. Это же относилось и к миссионерской деятельности православной церкви. М.Н. Катков был солидарен с Самариным в признании явно недостаточных усилий в данном направлении русского правительства. Немцы же были явно нацелены на германизацию местного населения, не скрывали этой цели и трактовали свою деятельность как распространение высочайшей культуры Германии.

Таким образом, несмотря на различия в подходах к трактовке национального характера Российской империи, М.Н. Катков солидаризировался со славянофилами в необходимости противостояния немецкому национализму в Прибалтике. Они видели главную опасность в преобладании у немецкой диаспоры восприятия себя как части немецкой нации, что вместе с включением Прибалтийских владений России в экспансионистские проекты Германской империи создавало угрозу утраты этих территорий. В обоих случаях средством было не подавление немецкой этничности, а вовлечение Прибалтики в общеимперское правовое и административное пространство.

Обращаясь к прибалтийскому вопросу, В.П. Мещерский также трактовал его как немецкий, выделяя в нем два аспекта. Внешнеполитический был связан с противостоянием германской экспансии. Публицист подчеркивал важность твердой и решительной позиции Российского государства по недопущению попыток Германии вмешиваться в проблемы Прибалтики.

Однако рассматривая «наш домашний немецкий вопрос», он оппонировал германофобам в стремлении превратить Остзейский край в «Ярославскую, Костромскую или Московскую губернии, то есть полного обрусения» [20. С. 2]. В.П. Мещерский писал, что в Прибалтике сложилась особая, учитывавшая местные особенности и исторические условия, правовая и культурная среда, не противоречившая Российской государственной идеологии и не наносившая ущерб государственному единству. По мнению публициста, критерием качества местных порядков любого региона России должно было быть обеспечение лояльности населения к империи и императору. Политика русификации, прежде всего, должна была иметь целью укрепление единства государства. Поэтому, подчеркивая важность и актуальность правительственных мер по оказанию помощи русской православной церкви в крае, развитию образования на русском языке, внедрению его в местное делопроизводство, В.П. Мещерский настаивал на приоритете сохранения стабильности в регионе. Откровенно завидуя общественной обстановке в Прибалтике, сохранению здорового консерватизма, он представлял ее читателям как остров стабильности и благополучия и задавался вопросом: нужна ли

такая русификация, которая приведет к распространению либерализма и нигилизма в крае? «Задача патриотизма – сохранять друзей, а не плодить врагов» [20. С. 4]. Таким образом, именно В.П. Мещерский демонстрировал классический образец имперского подхода, игнорировавший национальную идентичность при приоритете значимости только государственных интересов.

В российской публицистике либерального толка подчеркивалось, что в отличие от поляков немцы всегда были верными подданными императора. При этом обращалось внимание на сложную игру прибалтийских немцев, охотно соглашавшихся на равенство прав с русской национальностью, когда это было выгодно, но отказывавшихся от солидарности ради выгоды в других ситуациях. Они резко воспротивились введению русского языка как языка государственного делопроизводства в прибалтийских губерниях, апеллируя к нормативным актам XVIII в. и выступая якобы от имени всего населения Прибалтики. Л.А. Полонский призывал русские власти проявлять волю и твердость в решении данного вопроса, поскольку это была эффективная мера борьбы с немецким засильем [21. № 1. С. 399].

Публицист «Вестника Европы» демонстрировал дифференцированный подход к сохранению в национальных регионах традиционных органов местного самоуправления. По его мнению, они не всегда являлись демократическими институтами, выражавшими волю большинства населения. Если в Финляндии сохранение сейма сделало его не только центром политической жизни, но и инструментом ослабления влияния шведов в общественной жизни, обеспечив участие в ней собственно финского населения, то в Прибалтике ситуация складывалась зеркально отлично. Органы городского самоуправления превратились в инструмент консервации средневековых традиций и поддержания господства немецкого дворянства. За столетия, прошедшие с момента вхождения прибалтийских земель в состав России, в них практически отсутствовали представители коренного – эстонского и латвийского – населения. В этих условиях, считал публицист, отказ от традиций и реформирование городских сеймов способствовали бы их демократизации, а для русской администрации создали бы инструмент взаимодействия с коренным населением. Поэтому он считал важным ускорить начало Городской реформы в прибалтийских губерниях [22. С. 372–373].

Л.А. Полонский подчеркивал многообразие социально-экономических условий в различных национальных регионах России, требовавших различий в проведении реформ. При этом требование сохранения национальных традиций не всегда совпадало с интересами местного населения. Поэтому он выступал против апологетики сохранения немецкого господства в прибалтийских губерниях. Защитой национальных интересов прибалтийских немцев он считал необходимость со-

хранения лютеранской церкви, возможности преподавания в немецких школах на немецком языке, издание немецких газет [23. С. 813–814].

Однако к этой проблеме не имели никакого отношения попытки сохранить доминирование немецкого дворянского землевладения. Немецкое дворянство, апеллируя к неким традициям, исторически сложившимся особенностям земельных отношений, старалось закрепить за собой право определять условия аграрных преобразований, давно назревших в Прибалтике. Л.А. Полонский же считал, что в интересах эстонского и латышского крестьянства было бы распространение общеимперских законов, регламентировавших аграрные отношения [Там же].

Либералы четко отслеживали и отграничивали проявление конкуренции других национальных проектов на территории империи. Они считали важным и необходимым сохранение польского языка в образовании и прессе на территории польских этнических земель, но ратовали за самые жесткие, в том числе и административные, меры ограничения польского влияния в Малороссии и Литве. Так же и в Прибалтике обозреватель «Русской мысли» защищал право немцев на возможность получения образования на родном языке. Но он не видел какой-либо связи между задачей защиты национальной идентичности прибалтийских немцев с претензиями на сохранение немецкого языка в административном и судебном делопроизводстве. Подобную практику журналист называл пережитком прошедших эпох, традициями, не связанными с современными реалиями, противоречащими не только государственным интересам, но и интересам коренного населения – латышей и эстонцев [24. С. 110–111].

Подробно анализируя структуру, принципы формирования и функции ландтагов и местных судов, автор приходил к выводу о том, что существовавшая система местного самоуправления консервировала господство в общественной жизни и управлении немецкого дворянства, составлявшего меньшинство населения [25. С. 93–94]. Автор неоднократно возвращался к мысли о необходимости дифференцированного подхода к языковой проблеме в государственной и общественной сферах. В первом случае универсальным языком для всех властных структур на территории империи должен был являться язык государственной нации – русский, но в сфере общественной жизни, включавшей образовательные и культурные учреждения, должны учитываться интересы национальностей и расширяться использование «местных» языков [Там же. С. 95–96].

В случае с Прибалтикой особенностью ситуации заключалась в господстве в сфере образования немецкого языка. Не видя альтернативы в возможности перехода в государственных гимназиях и училищах на латышский или эстонский язык, публицист считал правильным постепенное вытеснение немецкого языка русским и в системе образования как средство борьбы с доминированием немецкого дворянства. Таким образом, нача-

лась бы подготовка кадров для всесословных учреждений местного самоуправления, которые придут на смену ныне действующим [26. С. 196–197].

Одновременно авторы «Русской мысли» предостерегали от чрезмерной увлеченности борьбой с немецким влиянием, заметной в русской прессе. Уже раздавались голоса о необходимости не допускать немцев в государственные и судебные учреждения Прибалтийских губерний. Столь же нелепо выглядели предложения скорейшим образом произвести вытеснение немецкого языка из топонимики прибалтийских городов и всех областей общественной жизни. Журналисты либерального издания были категорически против нарушения личных прав немцев, латышей, эстонцев на защиту национальной идентичности. Политика государства должна быть направлена на унификацию государственно-правовых институтов, но это не касалось сохранения национального многообразия [27. С. 144–145].

Если в номерах «Русской мысли» 1885–1886 гг. преобладала осторожная поддержка начавшихся в Прибалтийском крае реформ, то в номерах 1889 г. звучит уже недоумение и непонимание направленности реформирования системы образования. Журналисты с сожалением констатировали, что опасения перегибов обрусительной политики начинали оправдываться. Переход к обязательному преподаванию на русском языке в начальных и средних учебных заведениях, первоначально касавшийся только государственных образовательных учреждений, теперь распространился на муниципальные и частные гимназии и училища. Это вызвало негативную реакцию как муниципалитетов, так и частных спонсоров и привело к закрытию целого ряда учебных заведений [28. С. 142–143]. Понимая подобную реакцию, журналисты указывали на прямое нарушение права получения образования на национальном языке.

Журналисты «Русской мысли» считали важным поддержку национального возрождения прибалтийских народов. Зарождавшееся движение образованной части латвийского и эстонского населения по созданию литературных языков встретило негативную реакцию в консервативных русских изданиях, увидевших в этом проявление «немецкой интриги». Отвечая на замечание «Рижского вестника», всегда «стоявшего на страже русских интересов», увидевшие угрозу в «латышской мечте» авторы либерального издания напомнили о русском ренессансе, сформировавшем за неполных два столетия богатейшую литературу. Почему же консервативное издание отказывало другим народам в праве на национальное развитие? Что же касается страхов перед призраком сепаратизма, то, обращаясь к опыту Европы, журналист отмечал очевидную закономерность. Поддержка центральной властью национальных движений всегда делала их сторонниками централизма, а подавление национального духа, напротив, приводило к политизации национальных движений и сопротивлению власти [29. С. 190–191].

Описывая этнополитическую ситуацию в Прибалтике, И.И. Каблиц обвинял российскую элиту, длительное время считавшую «эту страну кровной немецкой землей», в пассивности и невнимании к проблемам данного региона. Этому заблуждению способствовало и осязаемое влияние остзейских немцев в правящих российских кругах, старательно внушавших, что Прибалтийский край – немецкая земля. Прозрение наступило после возникновения Германской империи, когда стало ясно, что абсолютное преобладание немцев среди господствующих классов создает опасность «предоставления этого края немецкому господству, тем более со стороны немцев появились претензии на него» [30. Ч. 2. С. 359–360]. Поэтому чрезвычайно важно было усилить пророссийские настроения среди коренного населения: латышей, ливов, эстов.

Особенностью данного региона, по мнению либерального народника, являлась отчетливо социальная направленность национального движения. Антинемецкие настроения в значительной степени были обусловлены спецификой аграрной реформы 1819 г., усилившей крестьянское безземелье и сконцентрировавшей земли в руках немецких баронов, в которых крестьяне видели «врагов своей национальности и угнетателей своего материального благосостояния и экономической независимости» [Там же. С. 361]. Поэтому И.И. Каблиц выделял приоритетность социальных преобразований, предлагая распространить на Прибалтику опыт крестьянской реформы в Польше, проведенной в 1863 г. Дополнив ее «покровительством этнографическому сепаратизму коренного населения», полагал он, можно будет обезопасить интересы России от немецких «необоснованных поползновений на этот край». Завершая обзор проблем Прибалтики, публицист замечает: «Разумеется, мы можем надеяться просто на силу нашего оружия, но вернее, привязать к себе население здоровой политикой, как по отношению к его национальному возрождению, так и по отношению к социальным требованиям» [Там же. С. 362].

Таким образом, схожим для русской публицистики и консервативного, и либерального направления было восприятие национальных отношений в Прибалтике как противоборства двух национальных проектов, конкурировавших не только в пределах данного региона, но и во всей Восточной Европе. Прибалтийские немцы виделись не самостоятельной этнической группой, а частью немецкой нации, стремившейся воссоединиться с ней в рамках единого государства. Поэтому в национальных проблемах края всегда зримо присутствовал внешнеполитический аспект.

Проводилась прямая аналогия с положением поляков в западном крае, где они были пришельцами-завоевателями и составляли элиту общества. Но в отличие от поляков, этнические земли которых находились частично в пределах империи, где признавалось их существование как национальности, прибалтийские немцы таковых этнических территорий в границах им-

перии не имели и как отдельная национальность не рассматривались. Отношение к немецкому доминированию в Прибалтике было солидарно негативным, и различия заключались в способах борьбы с ним. Только представитель имперского течения М.П. Мещерский считал немецкое дворянство верной опорой самодержавия, а существовавшие отношения оптимальными, поскольку они противостояли проникновению нигилизма и способствовали сохранению государственного единства.

Автохтонные народности представлялись жертвами немецкого национализма, стремившегося к их ассимиляции. Поэтому все направления приветствовали пробуждение у них национального самосознания и выступали за развитие национальных языков, культу-

ры. Обрусение в данном случае означало противодействие онемечиванию. Но если славянофилы и М.Н. Катков оценивали скептически собственный потенциал этих народностей и считали, что выбор стоял между русской и немецкой ориентацией, то либералы выступали в поддержку их национального самобытного развития.

Практически все русские публицисты отмечали наложение национального противостояния в крае на социальное, так как элиту его составляли немцы, а низы городского населения и крестьяне представляли автохтонные народности. Славянофилы и либералы полагали, что развитие самоуправления и поддержка крестьянских хозяйств будут способствовать ослаблению немецкой монополии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тесля А.А. Остзейский вопрос в переписке Ю.Ф. Самарина 1846–1848 годов. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2011/tessamarin.php>, свободный.
2. Каплин А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 624 с.
3. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1889. Т. 7. С. 3–162.
4. Самарин Ю.Ф. О политическом идеале газеты «Весть» / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 456–485.
5. Самарин Ю.Ф. О православии в прибалтийских губерниях / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 441–455.
6. Самарин Ю.Ф. Окраины России / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 3–433.
7. Аксаков И.С. Еще о драгоценных откровениях г. фон-Бокка / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 79–89.
8. Аксаков И.С. Угрозы немецких газет по поводу отмены некоторых привилегий Остзейского края / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 23–27.
9. Аксаков И.С. Как понимает остзейский немец идеал России / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 3–8.
10. Аксаков И.С. По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 16–22.
11. Аксаков И.С. В праве ли Прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 28–34.
12. Катков М.Н. О германизации Эстов и Латышей. Московские Ведомости. 1864. 16 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 292–295.
13. Катков М.Н. По поводу статьи «Голоса» о русском языке в Риге. Смысл так называемых нападок на остзейские губернии. Московские Ведомости. 1865. 28 января // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 59–61.
14. Катков М.Н. Открытие Лифляндского сейма и предстоящие ему задачи. Московские Ведомости. 1865. 20 марта // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 166–169.
15. Катков М.Н. Остзейский вопрос не есть немецкий вопрос в России. Московские Ведомости. 1865. 12 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 286–289.
16. Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае. Московские Ведомости. 1865. 10 июля // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 421–426.
17. Катков М.Н. Государство и национальность. Московские Ведомости. 1867. 17 августа // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1867 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 452–454.
18. Катков М.Н. Государство и национальность. Московские Ведомости. 1867. 9 октября // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1867 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 572–574.
19. Катков М.Н. Язык и национальность. Московские Ведомости. 1867. 11 октября // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1867 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 576–581.
20. Мещерский В.П. Наши евреи, немцы, поляки и так далее... // Гражданин. 1882. № 39. 16 мая. С. 2–4.
21. Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 380–400.
22. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 361–381.
23. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 796–818.
24. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1885. № 9. С. 82–110.
25. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1885. № 10. С. 87–120.
26. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 7. С. 192–222.
27. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1889. № 7. С. 130–156.
28. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1889. № 8. С. 135–158.
29. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1891. № 8. С. 175–200.
30. Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб. : Тип. И.А. Лебедева, 1888. Т. 1. 464 с.

Kudriashev Viacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

RUSSIAN-GERMAN CONFRONTATION IN BALTIC REGION IN RUSSIAN PUBLICISM IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: nationalism; separatism; Russification; Germanization; liberalism; conservatism.

Ethnic and religious diversity of Russia, supplemented by differences in economic and social development of ethnic regions, involved them to the attention of Russian intellectual elite, which was to take into account this aspect in the development of their national concepts. The growth of national consciousness on the outskirts of the national and the formation of nationalisms with alternative concepts of these objectives have made significant adjustments to the perceptions of the Russian intellectuals of the XIX century about the present and the future of Russia. Similarly for Russian journalism and conservative and liberal trends of the second half of the XIX century was the perception about ethnic relations in the Baltic region as a confrontation between the two national projects, to compete not only within the region, but throughout Eastern Europe. Baltic Germans saw no independent group, as part of the German nation, aspiring to be reunited with her in the framework of a single state. Therefore, always visibly present foreign policy aspect in national issues edges. It draws a direct analogy with the situation of Poles in the western region, where they were strangers-conquerors and were the elite of society. But unlike the Poles, ethnic lands which were partially within the empire, which recognized its existence as a nationality, Baltic Germans those ethnic territories within the borders of the empire, and did not have as a separate nationality were not considered. Drinking German domination of the Baltic States were jointly and negative difference is the way to deal with it. Only the representatives of the current imperial Meshchersky considered the German nobility loyal support of the autocracy and the optimal existing relationships as they resisted the penetration of nihilism and contributed to the preservation of national unity. The autochthonous peoples represent victims of German nationalism, sought to assimilate them. Therefore all directions welcomed awakening their national identity and advocated the development of national languages and culture. Russification in this case meant opposition to Germanization. But if Slavophiles and Katkov evaluated skeptical own potential of these peoples and believed that the choice was between the Russian and German orientation, the liberals were in support of their national identity development. Almost all Russian commentators noted the imposition of national opposition in the province social, as its elite were Germans, and the lower classes of the urban population and the peasants were autochthonous peoples. Slavophiles and liberals believed that self-development and support of farms will contribute to the weakening of the German monopoly.

REFERENCES

1. Teslya, A.A. (n.d.) *Ostzeyskiy vopros v perepiske Yu.F. Samarina 1846–1848 godov* [The Ostsee issue in the correspondence by Yu.F. Samarin in 1846–1848]. [Online] Available from: <http://www.hrono.ru/statii/2011/tessamarin.php>.
2. Kaplin, A.D. (2011) *Slavyanofily, ikh spodvizhniki i posledovateli* [Slavophiles, their associates and followers]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
3. Samarin, Yu.F. (1889) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 3–162.
4. Samarin, Yu.F. (1898a) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 456–485.
5. Samarin, Yu.F. (1898b) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 441–455.
6. Samarin, Yu.F. (1898c) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 3–433.
7. Aksakov, I.S. (1886a) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 79–89.
8. Aksakov, I.S. (1886b) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 23–27.
9. Aksakov, I.S. (1886c) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 3–8.
10. Aksakov, I.S. (1886d) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 16–22.
11. Aksakov, I.S. (1886e) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 28–34.
12. Katkov, M.N. (1897a) O germanizatsii Estov i Latyshey. *Moskovskie Vedomosti*. 1864. 16 maya [On the Germanization of Estonians and Latvians. *Moskovskie Vedomosti*. 1864. May 16]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1864 g.* [Editorials from “Moscow Vedomosti” for 1864]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 292–295.
13. Katkov, M.N. (1897b) Po povodu stat'i “Golosa” o russkom yazyk v Rige. Smysl tak nazyvaemykh napadok pa ostzeyskie gubernii. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 28 yanvarya [Concerning the article in “Golos” about the Russian language in Riga. The meaning of the so-called attacks on the Baltic provinces. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. January 28]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 59–61.
14. Katkov, M.N. (1897c) Otkrytie Lifflyandskogo seyma i predstoyashchie emu zadachi. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 20 marta [The opening of the Liffland Sejm and the tasks ahead. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. March 20]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 166–169.
15. Katkov, M.N. (1897d) Ostzeyskiy vopros ne est' nemetskiy vopros v Rossii. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 12 maya [The Ostsee issue is not a German issue in Russia. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. May 12]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 286–289.
16. Katkov, M.N. (1897e) Prava i polozhenie russkogo yazyka v Pribaltiyskom krae. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 10 iyulya [The rights and status of the Russian language in the Baltic region. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. July 10]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 421–426.
17. Katkov, M.N. (1897f) Gosudarstvo i natsional'nost'. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. 17 avgusta [The state and nationality. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. August 17]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 452–454.
18. Katkov, M.N. (1897g) Gosudarstvo i natsional'nost'. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. 9 oktyabrya [The state and nationality. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. October 9]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1867 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1867]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 572–574.
19. Katkov, M.N. (1897h) Yazyk i natsional'nost'. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. 11 oktyabrya [Language and nationality. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. October 11]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1897 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1897]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 576–581.
20. Meshcherskiy, V.P. (1882) Nashi evrei, nemtsy, polyaki i tak dale . . . [Our Jews, Germans, Poles and so on . . .]. *Grazhdanin*. 16th May. pp. 2–4.
21. Anon. (1868) Vnutrennyaya khronika [Home Chronicle]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 380–400.
22. Anon. (1870) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 361–381.
23. Anon. (1882) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 796–818.
24. Anon. (1885a) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 9. pp. 82–110.
25. Anon. (1885b) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 10. pp. 87–120.
26. Anon. (1887) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 192–222.
27. Anon. (1889a) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 130–156.
28. Anon. (1889b) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 135–158.
29. Anon. (1891) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 175–200.
30. Yuzov (Kablits), I. (1888) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of Narodnik Movement]. Vol. 1. St. Petersburg: I.A. Lebedev.